

Документы по истории Иверско-Алексеевской женской обители в Черноморской губернии

В соответствии с Указом Святейшего Синода от 22 февраля 1910 года № 2749 [1] близ посада Туапсе, в селе Георгиевском Черноморской губернии, прибывшей из г. Екатеринодара Кубанской области семьей Макаровских, на купленном у поселянина С. Махинько участке, была официально учреждена Иверско-Алексеевская женская обитель, о чем сообщалось в письме поверенного Сухумской епархии, присяжного поверенного, Михаила Михайловича Вербичева, жившего в г. Екатеринодаре по ул. Красной, 18, прокурору Екатеринодарского окружного суда (дата составления письма не указана) [2].

В 1916 г., в связи с нестроениями, возникшими в обители, Черноморским губернским ветеринарным инспектором, статским советником, Андреем Максимовичем Трофимовым, по поручению Черноморского губернатора, был подготовлен материал «по делу об учрежденной в 1910 г. женской обители». Материал, собранный Трофимовым А.М. хранится в Государственном архиве Краснодарского края, в составе архивного фонда № 468 «Канцелярия губернатора Черноморской губернии», в деле под заголовком «Приложение к докладу статского советника Трофимова А.М. об Иверско-Алексеевской женской пустыне».

Из прошения в Святейший Правительствующий Синод бывших насельниц-соучредительниц Иверско-Алексеевской женской общины, составленного не ранее 1912 г. (документ не датирован), становится известным, что, прибывшая из г. Екатеринодара семья Макаровских во главе со своим духовным руководителем старцем о. Софронием, поселилась в 1904 г. в окрестностях посада Туапсе на купленном у поселянина С. Махиньки земельном участке, на котором Макаровские занимались «подвигами благочестия» и обработкой заброшенного участка земли.

Пример благочестивой жизни Макаровских и авторитет старца Софрония, «бывшего питомца Оптиной пустыни и ученика Великого Старца о. Амвросия», стали привлекать сюда ревнителей благочестия и почитателей «старческого окормления». Вскоре здесь собралась «большая единомысленная духовная семья».

Благодаря этому, к 1910 году образовалась общежительная община, которая насчитывала в своем составе более 50 сестер-насельниц и имущество в размере 110 000 рублей. После официального учреждения обители в 1910 г. Федор Михайлович Макаровский в качестве юрисконсульта, заведывал канцелярией и рабочими в обители, а устроительница обители, Мавра Макаровская, была пострижена преосвященным Димитрием, епископом Сухумским, в

малый рясофор с наречением имени Мариами и, по единодушному избранию сестер, утверждена в должности начальницы общины.

Впоследствии, в результате интриг, прежняя начальница общины была отстранена от занимаемой должности, а на ее место назначена другая, после чего обитель начала клониться к упадку. Тем не менее, Иверско-Алексеевская община продолжала свою деятельность вплоть до середины 1920-х годов. Точная дата ее закрытия неизвестна.

В государственном архиве Краснодарского края, в составе архивного фонда Р-558 «Туапсинский районный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет» был обнаружен весьма любопытный документ под заголовком «Список лишенных права голоса по вновь организованному Туапсинскому району Георгиевского сельсовета, по данным находящимся в делах Вельяминовского сельсовета ко 2 марта 1925 г.», в котором содержатся сведения о нахождении в Иверско-Алексеевской женской общине под г. Туапсе (село Георгиевское бывшей Черноморской губернии), в то время еще епископа Оханского и vicария Пермской епархии владыки Павла (в миру Павел Яковлевич Вильковский), новомученика и исповедника, пострадавшего за веру в 1930-е годы (расстрелян 7 мая 1933 года в г. Ростове-на-Дону по обвинению в «участии в церковно-монархической контрреволюционной организации «Южно-Русский Синод» под руководством митрополита Серафима (Мещерякова)»).

Предлагаем вниманию исследователей документы, содержащих некоторые сведения по истории обители.

Список литературы и источников

1. ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК). Ф. 468. Оп. 2. Д. 155. Л. 6-7.
2. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 45

Документы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК)

№ 1

Прошение в Святейший Правительствующий Синод насельниц-соучредительниц Иверско-Алексеевской женской общины, проживавших в г. Екатеринодаре по ул. Кузнечной, 169

Екатеринодар
[дата отсутствия]

В 1904 году поселилась в окрестностях посада Туапсе на купленном у поселянина С. Махиньки участке, расположенном в лесной глуши, приехавшая из г. Екатеринодара семья Макаровских, во главе со своим руководителем старцем о. Софронием, который у постели умирающего отца Макаров-

ского обещал принять на свое попечение весьма склонных к монашеству его сирот. Здесь Макаровские занимались любимыми ими подвигами благочестия и усердной обработкой своего глухого и заброшенного участка.

Пример их высоконравственной, мирной, благочестивой жизни, авторитет старца Софрония, бывшего питомца Оптиной пустыни и ученика Великого Старца о. Амвросия, и его поразительная способность влиять на души ищущих спасения, стали все более и более привлекать сюда ревнителей благочестия и почитателей «старческого окормления», на тучных пажитях которого возросли многие великие старцы, руководители духовной жизни: Паисий Величковский, схимник Феодор и др., а равно и многочисленные их ученики, знаменитые старцы Оптиной, Глинской, Белобережской, Зосимовой и др. обителей.

Скоро собралась большая духовная семья, настолько единодушная, единомысленная и тесно связанная взаимной искренней любовью, что казалось у всех их была одна душа, всеми глубоко уважаемый старец, и одно сердце, горячо любимая Матушка-Устроительница, одна из сестер Макаровских – Мавра, пользовавшаяся всеобщим, безграничным уважением.

Избежав соблазнов мира и, находя здесь удовлетворение всем своим духовным запросам, девицы с горячим усердием несли сюда не только все свои сбережения, но даже не щадили ни сил своих, ни здоровья, ни жизни. Благодаря этому, уже в 1910 году, Община могла вступить в официальное свое существование, насчитывая в своем личном составе более 50 душ сестер и имущества на сумму около 110 000 рублей, которое Духовное Ведомство, как сказано в дарственной, приняло с благодарностью, что однако не оправдалось вскорости после дарения.

После официального учреждения Иверско-Алексеевской общины, старший брат Макаровских ушел в обитель, а младший, Федор Михайлович Макаровский, в качестве юрисконсульта, заведующего канцелярией и рабочими, по просьбе и благословию обласкавшего его епископа Димитрия Сухумского (1865-1923), остался при общине, безвозмездно и самоотверженно посвящая благоустройству Св. Обители все свои способности и силы.

Освящая обитель и церковь Преосвященный Димитрий постриг в малый рясофор Устроительницу с наречением ей имени Мариами, и по единодушному избранию сестер утвердил ее в должности Начальницы Общины.

Около этого времени поступила в Общину из другой обители М. Лебедева, властолюбивая и самовольная вдова, которая, не желая подчиняться, задумала ниспровергнуть законную монастырскую власть и захватить ее в свои руки.

Для этого она тайком строила различные интриги и вела среди сестер тайную агитацию, но, благодаря редкому единодушию сестер и их безграничной преданности Матушке, жертвой ее пропаганды стали лишь 2-3 послушницы, не понимавшие смысла тесного монашеского пути.

Когда же в 1912 году были подписаны документы о дарении имущества Духовному Ведомству, М. Лебедева стала действовать смелее, стараясь устроить в общине смуту, но, не находя ни в ком из числа 70-ти сестер (кро-

ме упомянутых 2-3) поддержки, обратилась с письмом к тем сестрам, которые пробовали жить в общине, но, найдя устав неподходящим для себя, или не чувствуя в себе достаточной решимости, решили оставить обитель добровольно, выдавши в том установленные расписки.

В это время Владыку Димитрия заменил Владыко Андрей, с которым прибыл назначенный им в Туапсе некий священник о. Краснов, характеристика и мировоззрение которого выразились в деятельности его сына, приговоренного к каторге.

В лице этого Батюшки М. Лебедева встретила самого горячего вдохновителя, искреннейшего советника и энергичного руководителя в ее стремлениях, которые весьма к сердцу пришлись о. Краснову, невзирая на то, что на стороне Лебедевой были лишь 2-3 сестры, против 65-ти верных своему долгу и готовых положить свою душу за горячо любимую Матушку. Он презрел лучшие отношения предшествовавшего епископа Димитрия, двух благочинных, с самого возникновения Общины заведовавших ею /А. Богданова и Н. Смирнова/, игнорировал наилучшие свидетельства одиннадцати за все время существования высших духовников и священнослужителей, которые за недостатком средств для найма постоянного священнослужителя – бесплатно исполняли эту обязанность из уважения к достоинствам обители, им презрительно отвержены были наилучшие чувства всего населения и администрации, наконец, и два бывших до него следствия, установивших преступность действий Лебедевой, вследствие чего Епископ Андрей велел ей смириться.

При помощи своего влияния на епископа Андрея священник Краснов достиг назначения на должность его благочинным (т.е. непосредственным Начальником Общины) во всеоружии каковой власти над слабыми, беззащитными девицами, он с новым усердием, достойным лучших целей, взялся за искоренение из Общины Макаровских с таким увлечением, что в упоении властью над слабыми и доверием Владыки, однажды выразился, что не оставит своей миссии до тех пор, пока «не сотрет Макаровских с лица земли», обещая приступить к этому немедленно после того, как Макаровские подарят Общине последнее свое имущество.

Ввиду этих угроз Ф.М. Макаровский воздержался от дарения Общине подворья, которое он приобрел на деньги свои и старца Софрония на свое имя, но, по недостатку в то время свободных денег, купил он оное подворье посредством банковской ссуды, с тем, чтобы с течением времени, по улажении возникшей пропаганды и нестроений в общине, как и все свое имущество, подарить это подворье общине.

Тотчас по назначении благочинным о. Краснов приступил к выполнению своих предначертаний и начал с того, что делал всевозможные притеснения Настоятельнице и всем верным ей 65-ти сестрам, а в то же время Лебедевой и ее приверженцам оказывал всевозможное покровительство и содействие, отпуская их из монастыря для пропаганды смуты без ведома и разрешения Настоятельницы, тогда как остальные сестры, защищавшие истину, не имели права выйти и за ограду монастыря.

Все это попустительство направлено было главным образом на то, чтобы подорвать доброе имя Обители, которое она успела приобрести себе за столь короткое время в глазах многих авторитетных духовных лиц и даже Высочайших особ, лучшие отношения коих стали жертвою злобной агитации. Особенно постарался о. Краснов предубедить Владыку Андрея, который затем назначен был в г. Уфу, а на его место прибыл епископ Сергей, унаследовавший от Епископа Андрея те же предубеждения, подкрепленные влиянием о. Краснова, постаравшегося тотчас по приезде нового Владыки вооружить и его против нас.

Затем назначена была новая комиссия (третья) из священников далеко некомпетентных разбираться во внутренней жизни монашествующих. А один из них просто даже не внушал к себе доверия и теперь уже смещен с прихода.

Наконец, назначается и последняя «комиссия», прибывшая в Общину в отсутствие нашей Матушки, приглашенной в г. Москву Её Высочеством Елизаветой Федоровной.

Предубеждение этой «комиссии» было так сильно и отношение к нам настолько бесцеремонно, что она, рассчитывая, вероятно, на нашу незащищенность, даже не скрывала своей заранее обдуманной и намеченной о. Красновым цели, особенно выразившейся в ее замечаниях при допросе, при котором отказывались записывать показание 65-ти сторонниц Настоятельницы, ссылаясь на то, что эти показания могут «прогневить Владыку», или «не дают нужного материала». При этом сразу члены «комиссии» показали к нам отношение самое резкое и даже враждебное, а к смутьянкам - покровительственное и весьма ласковое, помещаясь последними в одном доме, в смежных комнатах, разделяя с ними обильные трапезы, даже до возлияния, тогда как нас морили голодом и изнуряли непосильными работами, заставляя носить кирпич на высокую гору и осыпая нас язвительными насмешками. Вследствие этого, мы однажды обратились к Председателю Следственной комиссии, протоиерею Голубцову, умоляя защитить нас от голодной смерти и насилий, на что он разразился грубыми ругательными угрозами, обещаясь составить протокол и предать нас военной власти. Еще более резкое отношение проявил он в церкви, когда во время молебна одна из ослабевших от недоедания и даже голодовки сестра из певчих упала в обморок. Во всем облачении он вышел на амвон и, нервно жестикулируя, стал перед лицом всех молящихся громко и весьма грубо укорять нас в том, что якобы этот обморок не следствие физического и нравственного изнурения, а «лишь пустая демонстрация» с нашей стороны. До глубины души мы были потрясены таким выступлением о. Голубцова. В настоящее время мы не можем привести тех слов его «пастырского воздействия», которое применял в то время о. Протоиерей, но только особенно глубоко запечатлелись на нашей совести его страшно кощунственные выражения: «Вы молитесь не Богу, а сатане». Заметив, какое крайне невыгодное впечатление произвел такой поступок высокого коллеги на молящийся народ, другой член «комиссии», желая сгладить дурное впечатление, обратился к народу с земным поклоном и со словами: «Простите

их несчастных и заблудших, православные, они находятся в страшной преле- сти».

При допросе со стороны смутьянок допрашивались все, даже рабочие и посторонние, равно и те немногое время жившие в Обители сестры, которые свой добровольный уход запечатлели подписками, тогда как с другой сторо- ны едва допросили только душ пять, сопровождая допросы угрозами и даже бранью, записывая наши показания неправильно и не полностью, а на нашу просьбу занести это нарушение в протокол, отвечали насмешками и возраже- нием: «Как вы смеете не доверять комиссии». Многие показания упускались только потому, что, по их мнению, эти показания «могут прогневить Влады- ку» или «Не дают нужного материала», разумеется, для намеченной о. Крас- новым цели, блестяще выполненной почтенными следователями, так как по- сле их отъезда была получена бумага от Владыки, в которой было сказано, что «Мариам (устроительница) в общине более быть терпима не может».

И это после того, как она устроила в лесной глуши тихую пристань мо- литвы и труда и окраину, где раньше царил мрак <...> невежества, при по- мощи Божьей, озарила светом христианских добродетелей и теплотою любви к Богу и ближнему, согрела многие сердца, привлекая в лоно св. Православ- ной Церкви.

Нам же всем было приказано подписаться под актом об избрании в Настоятельницы монахини Моквинского монастыря Иеронимы и о призна- нии негодною Матушки Мариами.

В противном же случае нам угрожали изгнанием из Обители. Упомяну- тая монахиня Иеронима за несколько месяцев до сего была командирована в нашу Общину как ревизорша, причем нашла порядки Обители вполне образ- цовыми и подала о том рапорт, в котором, между прочим? высказывала, что у нас «есть чему поучиться», но тем не менее, благодаря известному давлению, она все же приняла сторону смутьянок и о. Краснова.

Тщетно мы молили Владыку посетить лично нашу Обитель и непо- средственно разобрать наше дело, которое он решил со слов о. Краснова, но Владыка Сергей прибыл лишь тогда, когда по его распоряжению админи- стративно были удалены 12 старших сестер, первоначальных вкладчиц, с предупреждением, что в случае нашего несогласия на подписку акта, с нами поступят также. Когда мы ответили последний раз предлагавшему нам это священнику о. Глагольеву, что мы не можем согласиться на такой компро- мисс, так как считаем это клеветой и ложью, известной и самому о. Глаголь- еву, как неоднократно бывшему у нас в Общине, то он сказал нам на это сле- дующее: «Знаю я хорошо, что это так, что вы правы, а это – ложь, но не могу же я говорить против Владыки, а потому прошу Вас подписаться, пусть здесь поторжествует неправда, зато там, то есть в будущем веке, вы будете оправ- даны». Когда же мы категорически отказались и заявили, что считаем требу- емое от нас согласие за предательство, то нам совершенно перестали выда- вать хлеб и сказали, что нам «более нет места в этой Обители».

Таким образом, мы очутились без крова и без куска хлеба. Видя нас в столь горестном положении, Ф.М. Макаровский, спасая нас от голодной

смерти и ужасов улицы, предложил заняться сборкой фруктов на арендуемом им участке, расположенном недалеко от Общины, чтобы на вырученные деньги мы имели возможность поехать домой.

Этот гуманнейший поступок его окрасили в политическую окраску, оклеветавши его перед начальством, как возмутителя, подстрекающего будто бы нас на противление законной власти. Но дознание и лично произведенное г-ном Черноморским Губернатором следствие не подтвердили этих ложных обвинений. Тогда Епархиальная власть, воспользовавшись тем, что в качестве Военного Губернатора над нашей губернией был назначен г-н Наказный Атаман Кубанского казачьего войска [Михаил Павлович Бабыч], просили его о преследовании Макаровского, вследствие чего, без особого суда и следствия, он, бескорыстный, самоотверженный труженик, был сослан в суровый Нарымский край.

Ведь мы просим только беспристрастного «не боящегося прогневить Владыку» следствия, как какой-то милости, а нам указывают на то, что является не следствием, а горькой насмешкой над ним и глумлением над беззащитнейшими и вернейшими членами св. Церкви и Государства, насадителями русской государственности и культуры, колонизаторами и пионерами глухих окраин Отечества. Врагами же или преступниками против нашего дорогого Отечества, каким нас очернили гонители, мы никогда не были и не будем.

Мы крепко веруем, что наши двухлетние мольбы о расследовании должны быть услышаны, и мы должны быть восстановлены в так дерзко попранных клеветой правах. А что клеветники так ловко сумели злоупотребить доверием Святителей Божьих и высшей Власти, то тоже самое имело место в истории Дивеевской Пустыни, первоначальницы, котыеая была гонимы в течение многих лет шестью последовательно управляющими епархией Владыками и, наконец, только личное приказание Государя, сердечное участие Генерального Св. Филарета Московского и личное знакомство со следственным делом Богопросвещенного Св. Феофана, Великого молитвенника, аскета и знатока монашеской жизни, могли пролить свет в дебри подобной же клеветы и предубеждения, и восстановить права гонимых.

Свои жестокие преследования смутьянки не прекращают и после учиненного им разгрома обители, забираясь в квартиры изгнанных сестер, в отсутствии последних, под видом монастырского, захватывая их домашний скарб: иконы, одеяла, подушки и тем, под видом особого усердия к Обители, думают замаскировать свои интриги, направленные к захвату власти.

Но, тем не менее зло, послужившее причиной разгрома обители, не замедлило скоро отразиться и в жизни новой Настоятельницы, подвергшейся новым интригам, доносам и агитации тех же смутьянок, пока, наконец, сама неподкупная действительность не убедила Епархиальную власть в том, что своевременно не искорененное, замаскированное зло, более терпеть становится невозможным и опасным, так как поглотивши столько жертв, оно требует новых, а потому, теперь уже на месте лично расследовавший дело Преосвященный Сергей, убедившись в преступности смутьянок, главную винов-

ницу всех смут Марию-Митродору Лебедеву в 24 часа удалил из обители, а вторую отстранил от занимаемой должности.

Таким образом, то, о чем мы так слезно умоляем Епархиальную власть в течение двух лет, что могло одним разом искоренить зло, сразу положить предел пережитым ужасам, спасти обитель от разгрома, нас от разорения и почтенных учредителей от невыразимых страданий и ссылки, только теперь решился сделать Преосвященный Сергей, но нам сообщают, что смутьянка и здесь нашла выход, и, поддерживаемая тем же о. Красновым, решилась на новую интригу: во имя благополучия гонителей и, чтобы не обнаружить роковую ошибку их, она старается убедить Владыку вернуть ее в Общину, чтобы тем вновь скрыть свое преступление.

При надобности можем представить массу оправдательных документов, свидетельствующих действительность вышеизложенных фактов.

До сих пор мы кроме многократных прошений Сухумскому Преосвященному писали и в Тифлисскую Синодальную Контору, но безуспешно.

И, одновременно с сим, сообщаем им о настоящем нашем прошении.

Ввиду вышеизложенного осмеливаемся нижайше просить ваше Святейшество, хотя бы в эти дни народного покаяния, к которому ныне призывает верных сынов Св. Церковь, положить предел жесточайшим, несправедливостям, назначивши беспристрастное расследование, которое обнаружением истины не боялось бы «прогневить Владыку».

Умоляем ради благополучия многострадального Отечества нашего, Божьей к нему милости, оказать нам эту милость: спасти нас от отчаяния, избавить нас от тех страданий, которые нам причиняют насмешки сектантов, ставящих нас «притчею во языцах» и высмеивают на нас преданность и послушание св. Православной Церкви. Благодаря новым невыразимым испытаниям две из нас не перенесли этих пыток и преждевременно, во цвете лет, сошли в могилу. Наша Матушка тяжело больна и близка к душевному расстройству, душ пятнадцать из нас так глубоко потрясены, что нуждаются в постороннем уходе, а остальные, скитаясь, лишь живут надеждой хотя бы на позднюю справедливость.

Еще раз смиреннейше умоляем Ваше Святейшество сжалиться над нами и назначить строжайшее расследование по изложенному делу, восстановить поправную истину, в отрадной надежде на каковую милость, могущую спасти нас от полного отчаяния, имеем честь быть недостойные послушницы Вашего Святейшества, учредительницы Иверско-Алексеевской женской Общины [...].

ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 279. Л. 45-48-а. Копия. Машинописный текст.

**«Список лишенных права голоса
по вновь организованному [Нуапсинскому] району Уеоргиевского сель-
совета, по данным, находящимся в делах вельяминовского сельсовета
ко 2 марта 1925 года**

Иверско-Алексеевская женская обитель

1. Мужецкая Екатерина Ивановна, игуменья.
2. Марченко Анна Денисовна, монахиня;
3. Моисеева Анна Федоровна, монахиня;
4. Белагорова Доминика Васильевна, монахиня;
5. Песчанская Елизавета Лукьяновна, монахиня;
6. Брославец Евдокия Васильевна, монахиня;
7. Малая Меланья Ивановна, монахиня;
8. Мужецкая Анна Евстафьевна, монахиня;
9. Касаева Парасковья Федоровна, монахиня;
10. Ненайденко Меланья Даниловна;
11. Петренко Евдокия Ивановна, монахиня;
12. Комашная Анастасия Васильевна, монахиня;
13. Коренева Иустиния Варламовна, монахиня;
14. Бережняк Пелагея Терентьевна, монахиня;
15. Склярова Надежда Алексеевна, монахиня;
16. Комашная Матрона Васильевна, монахиня;
17. Милочкина Христина Андреевна, монахиня;
18. Земляницына Елизавета Захаровна, монахиня;
19. Никитюкова Наталия Семеновна, послушница;
20. Батлукова Матрона, послушница;
21. Никулина Мария Алекс., послушница;
22. Курская Ирина Ефремовна;
23. Ищенко Мария Федоровна, послушница;
24. Ляскова Феодосия Ивановна, послушница;
25. Красненко Татьяна, послушница;
26. Непчукова Фаина, послушница;
27. Седина Пелагея, послушница;
28. Харичкина Наталия, послушница;
29. Гуляева Елизавета, послушница;
30. Васильева Евдокия, послушница;
31. Савенко Евдокия, послушница;
32. Батлукова Парасковия, послушница;
33. Седацева Александра, послушница;
34. Королева Евдокия, послушница;
35. Гуляева Мария, послушница;
36. Фомина Евгения;

37. Фомина Матрена, послушница;
38. Горобцова Феод. (так в документе), послушница;
39. Боброва Мария, послушница;
40. Комашная Нина, послушница;
41. Орлова Анна, послушница;
42. Кубынина Евдокия, послушница;
43. Орлова Анна, послушница;
44. Дульцева Парасковья, послушница;
45. Жукова Парасковья, послушница;
46. Скоробогатова Мария, послушница;
47. Залашная Мария, послушница;
48. Титаренко Матрона, послушница;
49. Меншулина Елена, послушница;
50. Долгова Анастасия, послушница;
51. Сорова София, послушница;
52. Судникова Александра, послушница;
53. Шевченко Вера, послушница;
54. Коржова Елена, послушница;
55. Бабаклеец Анастасия, послушница;
56. Сыроводина Татьяна, послушница;
57. Чичкина Анна, послушница;
58. Бабак Пелагея, послушница;
59. Троицкая Пелагея, послушница;
60. Скоробогатова Анна, послушница;
61. Ушакова Пелагея, послушница;
62. Вильковский Павел, епископ;
63. Полторацк Спиридон, иеромонах;
64. Хорхота Феодос., монах;
65. Борискин Иван, послушник;
66. Петровский Афанасий, живописец;
67. Дверина Мария, послушница;
68. Неклюдова Ирина, послушница;
69. Далаева Мария, послушница.

с. Георгиевка

70. Пичугин Андрей Иванович, священник,
71. Чернов Гаврила Михайлов, быв. диакон,
72. Долганов Макарий, псаломщик.

П.П. Предсельсовета Пранцкевич, секретарь Дранчук.

Верно: уполномоч. [подпись неразборчиво]»

ГАКК. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 82. Л. 92-92-об. Рукопись.